

> МАГИСТРАЛЪ >

УНА ХАРТ

Хозяйка
Шварцвальда

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х22

Иллюстрация на обложке *Н. Портяной*

Харт, Уна.
Х22 Хозяйка Шварцвальда / Уна Харт. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-203633-0

Германия, 21 декабря 1601 года.

В городе Оффенбурге народ собирается на площади в предвкушении казни. Эльзу Гвиннер, жену пекаря, признали виновной в колдовстве, и теперь ее ждет костер. Но что будет с ее семилетней дочерью, из-за признания которой осудили Эльзу? Отправится ли она тоже в огонь?

Нет, если ее заметил Кристоф Вагнер, ученик доктора Фауста, колдун, продавший душу дьяволу. Он страстно желает передать кому-нибудь драгоценные знания своего учителя. А кто лучше подойдет на эту роль, чем девочка, от которой все отвернулись, малолетняя ведьма и преступница, предавшая свою мать?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Харт У., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-203633-0

Часть I

Глава 1

1601 год, Оффенбург

Эта история началась с пламени.

В те времена огонь еще не успел стать обычным инструментом в руках людей мстительных и алчных. Небеса над Бамбергом и Фульдой еще не посерели от дыма, а улицы не утонули в криках истязаемых ведьм. На главной площади славного города Оффенбурга казни тоже происходили не чаще пары раз в год, поэтому народ начал собираться уже с рассветом, чтобы не упустить редкое зрелище. Поглазеть на последние часы жизни Эльзы Гвиннер хотелось всем: и прачкам, и белошвейкам, и мясникам с Метцгерштрассе, и дубильщикам с Герберштрассе.

Когда на парапете ратуши вывесили алые полотнища, горожане оживились. Это был знак, что вскоре Эльза выйдет из дверей в сопровождении чиновников и капелланов и начнет свой скорбный путь к месту казни. На дворе стояло свежее декабрьское утро. Иные говорили, что уйти из жизни в такой погожий денек, когда на небе ни облачка, — настоящее божье благословение. В прохладном воздухе витали запахи чесночных колбасок и квашеной капусты. Предвкушение интересного зрелища всегда пробуждает зверский аппетит.

Одну из первых здешних ведьм сожгли четыре года назад, и среди нынешних зрителей многие при этом присутствовали. Эльза Гвиннер приходилась дочерью казненной, но провинилась она не этим родством. Истинная причина, по которой бедняжка должна была

вынести столько мучений и отправиться в мир иной, заключалась в ее отце, почтеннейшем члене городского совета Георге Лауббахе. Он, к слову, не пришел проводить Эльзу в последний путь. Сказался больным, к чему все отнеслись с сочувствием. Георг понимал, что проиграл, тогда как его злейший враг — Рупрехт Зильберрад, известный интриган и главный охотник на ведьм во всем Ортенау — одержал сокрушительную победу.

В отличие от своего соперника, Рупрехт явился на площадь при полном параде. Золотая нить на щегольском дублете, скроенном по французской моде, сверкала в лучах солнца, а большое белоснежное перо на шляпе трепетало на ветру, как шелковый платок придворной красотки.

Зильберрад был по натуре человеком скверного нрава и слыл неумолимым с теми, кто встал у него на пути. Но сам себя он считал мягкотелым, поскольку добился казни лишь одного из отпрысков своего врага. Оставались еще двое, не говоря уже о малолетней дочери Эльзы Гвиннер, которую совет решил помиловать ввиду ее невинного возраста.

— Если говорить начистоту, друг мой, — втолковывал Рупрехт своему спутнику, пока конь под ним нетерпеливо переминался с ноги на ногу, всхрапывая и выпуская из ноздрей облачка белого пара, — я готов побиться об заклад, что не пройдет и пары лет, как эта соплячка последует примеру своей матушки. Известно ведь, что всякая ведьма передает мастерство дочерям... Но я подожду. Терпение — вот главная добродетель мудрого человека.

Кристоф Вагнер, человек ни в коем случае не добродетельный, не приходился Рупрехту ни другом, ни приятелем. В это декабрьское утро у него было плохое настроение, но не только по причине раннего подъема, пропущенного завтрака и холода, от которого не спа-

сал даже подбитый мехом плащ. Просто, так же как смерть Эльзы символизировала торжество Рупрехта Зильберрада, для Кристофа Вагнера она означала его полное бессилие. Хотя знали об этом, по счастью, лишь он сам да его черный конь.

* * *

Кристоф Вагнер терпеть не мог тюрьмы. По этим зловонным каменным клеткам бегали такие жирные крысы, что их хватило бы на несколько сытных ужинов — если бы у заключенных, конечно, нашлось довольно проворства и смелости, чтобы изловить грызунов размером с кошку. Смирившись с тем, что сапоги безвозвратно испорчены сточными водами, Кристоф вышагивал меж промерзших камер, а следом за ним бежал громадный черный пес. Любой, кто видел эту тварь, выложил бы кругленькую сумму, дабы узнать, что за псарня поставляет таких зверюг. Кристоф на все вопросы отвечал, что так удачно оценилась сука его сердечного друга из Нюрнберга, по нраву сатана во плоти. Но вот горе, спустя месяц собаку задрал дикий кабан во время охоты, так что больше таких щенков не сыскать.

Когда не было нужды притворяться, хозяин говорил с псом открыто. Он величал его Ауэрханом, а иногда — шелудивым ничтожеством, в зависимости от настроения. Но в этот день Кристоф Вагнер был неразговорчив. Они с Ауэрханом остановились у двери с тяжелым засовом. Перед тем как войти, Кристоф заложил руки за спину и нахмурил брови — выражение, которое придавало его слащавому лицу больше жеманности, чем задумчивости. Он покачался на пятках и бросил на пса недовольный взгляд.

— Вот, друг мой, мы и здесь.

Пес ответил ему широким зубастым зевком.

— Я слышал, что в Нюрнберге заключенные перед казнью могут истребовать любое лакомство, а надзиратель с супругой садятся рядом и любят, как бедный грешник в последний раз в своей никчемной жизни набивает пузо. Как думаешь, чего попросила наша пташка?

Ауэрхан этого не знал. А если бы и знал, то никак не мог ответить хозяину, поскольку был занят другим делом. Молниеносный бросок — и в пасти его забился толстый хвостатый пасюк. Кристоф, пропустивший в этот день завтрак, хотел было приказать псу выплюнуть эту гадость, но было поздно: захрустели кости, и на камни брызнула кровь.

— Ну хоть кто-то из нас будет сыт, — брезгливо заметил Кристоф и толкнул дверь в камеру так, словно она и вовсе не была заперта.

Внутри царил холод, но палач позаботился о том, чтобы заключенной принесли шерстяные одеяла и теплую одежду. Ее последняя ночь должна была пройти без лишних страданий. Мейстер Ганс хорошо знал свое дело. После вывихнутых на страппадо плеч и тисков для пальцев дознавателю наверняка стоило немалых трудов вернуть Эльзе Гвиннер человеческий облик.

Несмотря на все усилия сердобольного палача, бедняжка сильно замерзла и дрожала в своем углу на матрасе, набитом свежей соломой. Перед ней на полу стояли миска с копченой ветчиной и глиняный кувшин, доверху наполненный вином. Когда в камеру вошел человек, Эльза, должно быть, решила, что это заплечных дел мастер явился забрать ее на «кровавый суд» — вынесение приговора в ратуше. В ее глазах метнулись ужас и облегчение, знакомые лишь человеку, перенесшему очень много боли.

Кристоф никогда не видел Эльзу до того, как она попала в руки городскому совету. Он мог только представить себе, глядя на изящный рот и большие темные

глаза, что когда-то она слыла миловидной. Теперь же перед ним была лишь тень человека. Волосы Эльзы были острижены, и сквозь оставшиеся жалкие клочки просвечивала кожа головы.

Кристоф стянул с руки перчатку, наклонился, наполнил чашу вином и протянул Эльзе. Женщина сидела оцепенев, не в силах даже отказаться. Тогда гость вздохнул, сделал большой глоток и выплеснул остаток вина прямо на земляной пол.

— Что за паршивое пошло! Владелец виноградника должен отрубить себе руку за подобный урожай.

— Кто вы такой? — Голос Эльзы звучал так слабо, что Кристоф скорее угадал, чем услышал ее вопрос. Женщина перевела испуганный взгляд на гигантского пса и снова на его хозяина.

— Мое имя ничего вам не скажет, фрау Гвиннер. Говорят, в начале декабря вы признались, что сношались с самим дьяволом...

— Это не так.

— А потом забрали свои слова назад.

Эльза Гвиннер резко втянула воздух сквозь стиснутые зубы, словно испытывала боль от одного лишь воспоминания. Ее арестовали по обвинению в ведовстве тридцать первого октября, сразу после того как под стражу взяли сестер. Позже их освободили за недостатком улик, но в остальном удача отвернулась от семьи, в особенности от Эльзы.

Несмотря на внешнюю хрупкость, молодая женщина поразила городской совет своей стойкостью. Во время пыток она раз за разом повторяла: «Отец Небесный, прости им, ибо не ведают, что творят», и даже палач, в чьих искусных руках побывало много подлецов и лихоимцев, выказал ей уважение. Но в одном Эльза ошибалась: совет прекрасно знал, что творил. Отчаявшись добиться от жертвы признания с помощью тисков и strapпaдо, ее враги прибегли к последней

мере — привлекли в качестве свидетеля ее семилетнюю дочь Агату. Единственная порка едва не вышибла из девочки дух и легко вытряхнула из нее свидетельство против родной матери.

Кристоф поцокал языком, разглядывая лицо Эльзы, на котором даже накануне казни сохранилось неприемлемое выражение. Именно эти сжатые зубы и блестящие глаза наверняка выводили из себя Рупрехта Зильберрада.

— Я слышал, совет решил помиловать вашу дочь.

— Она мне не дочь, — выплюнула фрау Гвиннер. Такие вещи частенько говорят в сердцах, но Эльза хорошо обдумала свои слова. — Моя дочь никогда не оклеветала бы родную мать даже под пытками.

— «Кто злословит отца своего или свою мать, того должно предать смерти», — согласился Кристоф, но только потому, что на ум пришла подходящая случаю цитата. — Жаль, фрау Гвиннер, что у вас отняли возможность завести еще детей и воспитать их как следует, чтобы они были достойны вас.

Вероятно, эти слова незнакомца вызвали во рту Эльзы горечь, потому что она наполнила свою чашу и осушила ее одним глотком, морщась от кислоты. Допив вино, обтерла потрескавшиеся губы рукавом шерстяного платья и спросила уже спокойно, без надрыва:

— Зачем вы явились?

Кристоф развязно улыбнулся:

— Вы поразили меня мужеством и твердостью в вере, фрау Гвиннер. Поэтому я хочу дать вам возможность сохранить жизнь.

В упрямом взгляде узницы мелькнула надежда. Эта переломанная, искалеченная молодая женщина, обреченная на мучительнейшую из казней, хотела жить и ухватилась за обещание Кристофа, как утопающий за соломинку. Она подалась вперед, не обращая внима-

ния на холод в камере и на то, что одеяло соскользнуло с худых плеч.

— Вас прислал мой отец? Меня помиловали?

Пес, который до того сладострастно вычесывался в углу камеры, издал странный звук, как будто подавился. Со стороны могло показаться, что он смеется. Кристоф вздохнул:

— Боюсь, что нет, моя дорогая. Пока — нет. Но будьте покойны, после того как мы с вами закончим, вас не просто помилуют, вас вынесут из этого смрадного дома скорби на руках. Позже вы сможете отомстить всем своим обидчикам.

Но месть Эльзу не заинтересовала, и Кристофа Вагнера это даже несколько раздосадовало. По его скромному мнению, такая возможность придала бы освобождению пикантный привкус. Впрочем, убедить фрау Гвиннер в том, что расправа над Зильберрадом не лишена приятности, он еще успеет. Пленница тем временем переводила нетерпеливый взгляд с него на приоткрытую дверь камеры и наконец не выдержала:

— Господь с вами, что вы от меня хотите? Явились по указке совета подразнить меня в последний раз? Тогда вы будете гореть в аду!

— О! — Кристоф как-то разом воспрянул духом и оживился. Он налил себе вина и сделал несколько шагов по тесной клетушке, не выпуская из рук наполненной чаши и сокрушаясь про себя, что превратить в толковое вино эту бурду куда труднее, чем простую воду. — Тут вы не ошиблись, милая фрау. Мне, без всяких сомнений, уготована геенна огненная, но причиной тому будет отнюдь не этот визит. Более того, я искренне полагаю, что совершаю благое деяние, ибо воздастся каждому по делам его.

Он остановился у крошечного оконца. Отсюда открывался вид на городскую площадь, где помощники палача уже складывали костер.

— Так что я должна сделать для своего освобождения?

Он медленно повернулся к ней, и в глазах заключенной отразился ужас: она поняла, что именно от нее требуется. Кристоф Вагнер не держал в руках тисков и не истязал плоть Эльзы, но слова его вонзились в ее разум, причиняя куда бóльшие страдания, чем руки мастера Ганса.

— Суший пустяк, дорогая фрау. Мой друг, — он кивнул на пса, — избавит вас от казни, но взамен кое-что потребует, так уж заведено у их брата. Однако вы ничего не потеряете, поскольку уже отреклись от кровного родства. В обмен на свободу вы должны отдать Ауэрхану свою дочь Агату.

Эльза ушла не дослушав. Нет, она не встала на ноги и не покинула камеру, но глаза ее потухли, словно дух оставил тело и унесся прочь. Фрау Гвиннер, пережившая полтора месяца пыток, чья казнь была назначена за четыре дня до Рождества Христова, не желала слушать мерзостей в последние часы своей жизни. Она не отрелась от Бога, даже когда ее тело превратилось в кровавый мешок, не отречется и теперь. А отдать дьяволу свою плоть и кровь означало пойти против божественного закона. Все это Кристоф прочитал на ее лице, и эта неуступчивость разожгла в нем гнев.

Он наклонился к Эльзе так резко, что женщина отшатнулась.

— Слушай сюда, Эльза Гвиннер! На городской площади уже сложили дрова для костра. Твой муж Мартин подкупил палача, чтобы тот задушил тебя перед казнью шелковым шнурком, но Зильберрад дал мастеру вдвое больше серебра, поэтому твои крики все же долетят до ушей твоего муженька и никчемного папаши. Ты уже доказала свою праведность, и это ничем не помогло. Так докажи теперь, что у тебя есть хребет!

Медленно, точно глаза перестали ей повиноваться, Эльза подняла на него взгляд. Мгновение она рассматривала лицо Кристофа перед тем, как плюнуть в него и размашисто перекреститься, сжав в руке кипарисовые четки, что передали ей от Мартина.

Кристоф выдохнул и выпрямился. Достал из кармана дублета белый платок и насухо вытер щеку. В приступе раздражения он пнул глиняный кувшин, и вино выплеснулось на земляной пол. Многие преступники перед казнью осушают свои кувшины до капли, чтобы опьянение помогло им справиться с предстоящей болью. Так пускай у этой дряни не будет такой возможности! Морщась от негодования, Кристоф коротко бросил ей на прощание: «Дура» — и покинул камеру.

Следом за ним засеменял черный пес, высматривая очередную крысу.

* * *

Ближе к полудню хрустальный предрождественский воздух Оффенбурга всколыхнул колокольный звон из церкви Святого Креста. Он взволновал толпу, которую едва сдерживала дюжина вооруженных стражников. Когда Эльза Гвиннер в слепяще-белом одеянии появилась на пороге ратуши в сопровождении двух капелланов и палача, народ внезапно притих. Даже опьяневшая молодежь присмирела и оборвала скабрезную песенку, не закончив куплет.

Эльза была слаба, поэтому помощники палача несли ее на стуле до самого места казни. Удивительное дело: ни новая легконогая лошадка судьи, ехавшего перед Эльзой, ни его богатый наряд не привлекали столько внимания, сколько обыкновенная измученная женщина. Фрау Гвиннер горячо молилась всю дорогу до площади, где, сойдя со своего импровизированного трона, смиренно отдалась в руки палача. Когда мейстер

Ганс усаживал ее среди бушелей соломы и вешал ей на шею тщательно просмоленные венки, она пообещала замолвить за него словечко перед Господом. Мейстеру это понравилось, он тепло поблагодарил Эльзу и сунул ей в руки деревянное распятие, что передала ему жена.

Первой занялась солома. Ветер в тот день дул так сильно, что ее пришлось прибить кольями к земле, иначе полыхающие стебли разлетелись бы по всему городу. Народ ждал. Так маленькие дети подслушивают, как рожают их матери, испытывая смутное щекотное чувство в животе — смесь ужаса и постыдного удовольствия, названия которой человек еще не придумал.

Но в тот день зеваки и господин Рупрехт Зильберрад не получили желаемого. Эльза умерла за мгновение до того, как первые искры коснулись белоснежной рубахи. Так распорядился высокий человек, что подошел к заплечных дел мастеру прямо у ратуши, пока женщине выносили окончательный приговор. Мейстер Ганс никак не ждал, что перед ним словно из-под земли вырастет некто с восковой кожей и очень крупными острыми зубами. Незнакомец представился Ауэрханом, вручил палачу плотно набитый мешочек и велел все-таки задушить ведьму перед сожжением.

Признаться, эта просьба пришлась мейстеру по душе — ему не хотелось, чтобы Эльза мучилась. А потому, затягивая шнурок на тонкой шее, он испытал глубокую и искреннюю радость от хорошо проделанной работы.

Глава 2

Сожжение Эльзы Гвиннер стало приятным преддверием Рождества, наступившего спустя четыре дня. Казнь придала празднику своего рода завершенность. Ратушу украсили венками, а на городской площади вместо костра теперь шло представление: актеры изображали изгнание Адама и Евы из рая. Праотец и пра-мать были слегка под хмельком, но так было даже интереснее. Благодарные зрители гоготали и требовали, чтобы Ева разоблачилась, как того требует Эдемский сад. Хорошенькая фройляйн, раздумываясь на морозе, прижимала к себе тряпичную змею-искусителя с глазками-пуговками и скромно протягивала «Адаму» сморщенное яблоко.

Кристоф Вагнер велел Ауэрхану отсыпать актерам серебра. Несмотря на недавнее разочарование, он был полон радостного нетерпения. Вагнер никогда не ждал чудес, но доверял своему чутью. А потому, получив в последнее воскресенье адвента приглашение от одного из членов совета, герра Фалька, отметить Рождество в кругу его семьи, он велел Ауэрхану немедля ответить согласием. Обычно Кристоф Вагнер проводил праздничную ночь в окружении привлекательных шлюх и томных юношей, готовых разделить с ним страсть к вину и дебошам. Но если старого демона и удивила нынешняя прихоть господина, то виду он не подал.

В гости к Фальку Кристоф собирался с особым тщанием. Он знал, что хорош собой, пусть в нем и не было

той мужественной привлекательности, которой кичатся богатые юнцы, не обделенные вниманием женщин. Во внешности Кристофа сквозило скорее что-то манерное и развязное. В его повадках было больше женского, чем мужского, но самого Кристофа это ничуть не смущало. Более того, стоило ему заметить, что кому-то не по душе его ужимки, как он принимался ёрничать и кривляться еще сильнее, доводя собеседника до бешенства. Несмотря на это, многие стремились назвать себя его приятелями, еще ничего о нем не зная. Он же охотно величал друзьями всех подряд, отчего сразу становилось ясно, что настоящих друзей у него нет.

Никто, кроме Ауэрхана, не знал, сколько лет Кристофу Вагнеру, но по виду ему можно было дать не более тридцати. В его темных волосах еще не появилась седина, а в осанке — усталость, свойственная почтенным бюргерам. Скулы его были остры и выразительны, а брови — черны и надменны. Никто не поверил бы, что Вагнер помнит Реформацию, которая разгорелась на германских землях почти шестьдесят лет назад. Скажи он это, ему ответили бы с лукавым смешком: «О, мой дорогой друг, тогда вы должны быть совсем дряхлым стариком, если, конечно, не продали душу дьяволу за вечную молодость!»

Разумеется, Кристоф Вагнер продал душу дьяволу — но не за одну только кожу без единой морщинки или отсутствие старческой поволоки на глазах. Большинству и того было бы довольно: за вечную молодость люди готовы нафаршировать головы собственных детей лесными ягодами и подать их Сатане на обеденный стол. Однако Кристофу за меньшую цену удалось получить гораздо больше. За долгие годы и власть, и богатство потеряли для него вкус, сделались не ценнее покрытой патиной монеты, но он относился к этому философски: гораздо лучше, рассуждал он, обладать богатством,

властью и красотой и оставаться к ним равнодушным, нежели не обладать ими вовсе.

В этот сочельник приподнятое настроение Кристофа вместо обычной апатии так обрадовало Ауэрхана, что демон расстарался на славу. Бархатный камзол глубокого винного цвета, сшитый по последней моде, лоснился, точно лошадиная шкура. Манжеты и ворот украшало голландское кружево. Ботфорты на высоком каблуке плотно облегли ноги. Кристоф оценил наряд.

Дом герра Фалька находился недалеко от знаменитого трактира «Солнце». Большую часть просторной гостиной занимала разлапистая пихта, привезенная несколько дней назад из Шварцвальда и не успевшая еще высохнуть и осыпаться. Обычные горожане не устанавливали в домах срубленные деревья — обходились тем, что стоит в ратуше. Невероятный запах жареного мяса и лесной свежести кружил гостям головы. Приветливая фрау Фальк встречала пришедших у порога и угощала их горячим глювайном с зубчиками гвоздики и звездочками аниса.

В доме Фальков было так натоплено, что лица присутствующих покраснелись, а на висках выступили капельки пота. Кристофу это понравилось: он обожал жару, которая для иных казалась мучительной. Понравилась ему и пихта, от пола до потолка украшенная финиками и крендельками, орехами и бумажными цветами. Вино его развеселило, и он сделался разговорчивым и обаятельным.

По случаю завершения поста на стол выставили все самое лучшее: колбасы, вино, ягненка, запеченного с кориандром, квашеную капусту, соленую сельдь и ветчину, копченную на пихтовых опилках... Славное выходило разговение. Кристоф достал из чехла на талии серебряную ложку, попробовал подливку и рассыпался в комплиментах хозяйке.

Зильберрад тоже явился в компании очаровательной жены Эммы, которая была значительно моложе мужа, а из-за небольшого роста и располагающего круглого лица и подавно походила на ребенка. Эмма, уже заметно в тягости, много улыбалась, поддерживая жизнерадостную болтовню с хозяйкой дома. Рупрехт же сиял, как бок натертой до блеска супницы. Ему уже сообщили, что с его соперником Лауббахом после казни дочери случился удар и теперь он даже с кровати встать не может. Кристоф слушал без любопытства. Дрязги членов местного совета не представляли для него интереса.

В остальном он был доволен. Ужин портила лишь орава детей, игравших в салки вокруг стола. Нянька безуспешно пыталась поймать озорников, но в ответ на грозные взгляды госпожи Фальк только разводила руками. Пригрозила было им Крампусом с его громадным мешком, но тут уже господин Фальк так рывкнул на бедную женщину, что та споткнулась. Кристоф мягко засмеялся, встал, отодвинув стул, и подошел к детям.

— Полно вам, — мурлыкнул он, улыбнувшись и присев перед младшими Фальками: двумя девочками и мальчиком. — Даже малые дети знают, что Крампуса не встретишь после Дня святого Николая.

Он переводил взгляд с одного ребенка на другого, решая, какой из них ему менее противен. Смущенная госпожа Фальк рассыпалась в извинениях и хотела было отвести детей наверх, но Кристоф остановил ее решительным жестом.

— Я знаю, чем вас занять. Небось ждете подарков?

Маленькие алчные глазки загорелись. Разумеется, родители уже наградили их всякой чепухой вроде засахаренного печенья и яблок, но взгляд Кристофа обещал нечто большее. Кивком он подозвал Ауэрхана, который словно из воздуха извлек три деревянные коробки, обвязанные лентами. Жадные ручонки нетерпеливо